

Н. В. Малышева, И. А. Данилов

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ЯГОДНЫХ РАСТЕНИЙ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

В данной статье проведен этнолингвистический анализ 53 наименований ягодных растений в якутском языке с целью определения их способов образования. Языковой материал был взят из различных лексикографических источников, в том числе ботанических словарей. Эмпирической базой исследования послужили также полевые и экспедиционные наблюдения, диалектные записи и материалы, собранные авторами с 2017 г. в различных районах Республики Саха (Якутия). С целью определения лексического значения корней анализируемых наименований приведены семантические описания лексем из «Большого толкового словаря якутского языка», «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского.

Для выявления способов образования фитонимов использованы методы словообразовательного анализа: поиск производящей основы, выделение словообразовательного форманта, установление принципов словообразования. Также применены элементы семантического и морфологического анализа наименований, рассмотрены синтаксические конструкции сложных слов (словосочетаний). Непроизводным лексическим единицам даны этимологические характеристики, в некоторых случаях приведены параллели из других языков. Заимствованные названия ягодных растений проанализированы с точки зрения фонетических изменений, такой же принцип анализа использован относительно диалектных единиц, перешедших в литературную норму. Кроме того, некоторые якутские основы и рефлексy в других родственных языках сравнены в фоноструктурном аспекте. Путем описательного метода даны биологические характеристики растений, также приведены объяснения географическим особенностям мест произрастания исследуемых ягодных растений.

Установлено, что основным способом номинации фитонимов, обозначающих наименования ягодных растений в якутском языке, является номинация по признаку, в основе которой лежит ряд мотивационных характеристик. Удалось выяснить, что данный принцип основывается на ассоциативной метафоризации, которая раскрывает отношение якутов к живой природе и отражает особенность мировоззрения народа саха. Наличие заимствований из русского языка объясняется общей территорией проживания якутов и русских. Фитонимы монгольского и тунгусо-маньчжурского происхождения свидетельствует о тесных языковых контактах якутов с монгольскими племенами и тунгусо-маньчжурскими народами, в частности эвенками.

Ключевые слова: *фитонимы, наименования ягодных растений, ягоды, способы образования, мотивировочные признаки номинации, якутский язык.*

Введение

Якуты, являясь самым северным в мире народом тюркской языковой группы, гармонично развивались в неразрывной взаимосвязи с растительным и животным миром, поэтому издревле позиционировали себя детьми Природы.

Природа Якутии богата удивительным разнообразием флоры и фауны. Почти вся континентальная территория Якутии представляет собой зону сплошной многовековой мерзлоты, поэтому сохранность питательных микроэлементов растений высокая. Это способствовало активному использованию растений в народной медицине, обрядах жизненного цикла, ритуальных пространствах национального праздника Ысыах, шаманских действиях и хозяйственной жизнедеятельности.

¹ Исследование выполнено за счет Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук, проект МК-427.2020.6 «Комплексное исследование якутской лексики живой природы: этимология, лингвогеография и лингвокультурология».

Изучение одного из древнейших лексических пластов языка северных и арктических народов и народностей — ботанической лексики — позволяет более глубоко рассмотреть и определить практическое и культурное освоение растительного мира коренными народами Севера. Через призму лексики растительного мира можно рассмотреть языковую картину окружающей среды, особенные видения и традиционный взгляд якутов, для которых важное место в жизнедеятельности занимают растения. Это представляет интересное и перспективное направление в изучении лексического материала языка коренных народов Севера.

На сегодня лексика растительного мира якутского языка остается малоизученной. Семантические характеристики якутских фитонимов в сравнении с корейскими наименованиями лекарственных растений даны в статье А. Н. Нестерович (Нестерович, 2017), с корейскими названиями дикорастущих трав — в статье К. Г. Егоровой (Егорова, 2017). Якутско-турецкие параллели лексических единиц растительного мира в лексико-семантическом (Васильев, 2017) и фонетическом аспектах (Васильев, 2019) проанализированы в статьях И. Ю. Васильева. Названия деревьев и кустарников в якутском языке в сравнительном аспекте с другими тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками изучены А. А. Кузьминой (Кузьмина, 2016). Способы образования наименований лекарственных растений в якутском языке рассмотрены в статьях Н. В. Малышевой (Малышева, 2019а, 2019б, 2019в). Как видно из обзора имеющейся научной литературы по теме исследования, словообразовательная система якутских фитонимов, в т. ч. словообразовательные способы и принципы, остается неразработанной.

Этнографические, музейные, архивные материалы и источники дают достаточные основания полагать, что якуты давали особое название не любому растению, а только такому, которое имело для них значение в обрядово-ритуальных действиях, хозяйственной деятельности или традиционной медицине. В основе народной номинации растений лежит стремление отметить присущие лишь данному виду существенные свойства для их узнавания и практического использования. Поэтому основным способом номинаций растений в различных языках является номинация по признаку (Бродский, 2007: 188).

Среди полезных даров природы, по достоинству оцененных человечеством, еще с давних времен одним из основных источников питания можно назвать представителей ягодной флоры. Ягоды, являясь ценнейшим продуктом питания у якутов, обладают диетическими и лечебно-профилактическими свойствами, они содержат комплекс жизненно необходимых для человека биологически активных веществ, витамины, микроэлементы, органические кислоты, уменьшающие отрицательное воздействие радиоактивных излучений на человеческий организм (СЯЯ, 1986: 3). Ягодные растения с внешней стороны представляют различные цвета и формы, а на вкус — самые приятные ощущения. Все эти факты побудили северного человека обращать внимание на древовидные и травянистые растения, давать им народные номинации по различным признакам.

Материалом исследования послужили 53 наименования ягодных растений в якутском языке. Языковой материал почерпнут нами из различных лексикографических источников, в т. ч. ботанических словарей. Эмпирической базой исследования послужили также полевые и экспедиционные наблюдения, диалектные записи и материалы, собранные авторами с 2017 г. в различных районах Республики Саха (Якутия). С целью определения лексического значения корней анализируемых наименований привлекаются семантические характеристики лексем из «Большого толкового словаря якутского языка», «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского. Используются методы словообразовательного анализа: поиск производящей основы, выделение словообразовательного форманта, установление принципов словообразования. Путем описательного метода даны биологические характеристики растений. Также применяются элементы семантического, фонетического, морфологического и синтаксического анализа наименований, неппроизводным лексическим единицам даются этимологи-

ческие характеристики, в некоторых случаях приводятся параллели из других родственных языков.

Результаты и обсуждение

Этнолингвистический анализ 53 наименований, направленный на определение послуживших для них основной характерных мотивировочных признаков, проведен в рамках 17 категорий, представляющих различные виды ягод, произрастающих на территории Якутии: «общие названия» — 3, «арктоус» — 2, «черника» — 1, «черемуха» — 3, «шиповник» — 2, «боярышник» — 4, «малина» — 6, «морозика» — 10, «можжевельник» — 1, «смородина» — 4, «красная смородина» — 1, «черная смородина» — 5, «голубика» — 2, «кизиль» — 3, «водяника черная» — 2, «костяника» — 1, «брусника» — 3.

Общее название: Обобщающее значение 'ягода' в якутском языке представлено тремя лексическими единицами: як. **сирэс** «сейм. диал. ягода» (ДСЯЯ, 1976: 208); як. **сир аһа** «ягода» (БТСЯЯ, 2011: 426); як. **отон** «ягода» (БТСЯЯ, 2010: 362). Первое однокомпонентное наименование **сирэс** является производным, образованным от основы **сир** с прибавлением именного аффикса '-(э)с' и обозначающим общее название ягод, «произрастающих в лесной и тундровой зоне по сухим и сырым хвойным, смешанным и лиственным лесам, зарослям кустарников, иногда на торфяных болотах, на гольцах, альпийских лугах, в горных и равнинных тундрах» (Кожевников, 1981: 91). Это говорит о том, что основа **сир** в данном случае обозначает общее название мест произрастания ягод — сушу Земли, которая является пространством обитания живой природы, в том числе и растительного мира. Второе двухкомпонентное наименование **сир аһа** (*сир* 'земля' + *ас* 'пища, еда') в дословном переводе представляется как 'еда Земли' и также обозначает общее название ягод. Лексема **отон**, по нашему предположению, была образована от общетюркской основы **от**, которая в якутском языке обозначает траву.

Арктоус: Цветковое растение рода вересковых арктоус красноплодный в якутском языке представлено двумя наименованиями: як. **тураах отоно** «арктоус красноплодный» (БТСЯЯ, 2014: 158); як. **кыһыл астаах тураах отоно** «арктоус красноплодный» (ИОЛРЯ, 2018: 342). В составе обоих наименований присутствует орнитоним **тураах** со значением 'ворона'. С синтаксической точки зрения, оба наименования образованы путем подчинительного словосложения в притяжательной форме с аффиксом '-о'. Первое наименование состоит из двух компонентов, второе — из четырех. В обоих случаях орнитоним **тураах** является доминантным, раскрывающим несъедобность ягоды арктоуса. И. В. Бродский отмечает, что названия всех хищных животных, употребляемых в качестве атрибута сложного названия гриба или ягоды, указывают на их несъедобность или ядовитость (Бродский, 2007: 102), что также подтверждается в якутском языке. Действительно, арктоус относится к ядовитым и несъедобным человеком ягодам. Но растение широко применяется травниками-фитотерапевтами, шаманами, отосутами в якутской народной медицине при лечении мочеполовых заболеваний. Первые два компонента второго наименования указывают на цвет ягоды и наличие плода, где основа **кыһыл** обозначает красный цвет, а вторая — **астаах** 'имеет плод'. Согласно ботаническому описанию, растение арктоус имеет ярко-красные, красноватые, сочные ягоды не менее 1 см в диаметре. Таким образом, второе наименование было образовано по признаку обозначения особенности поверхности плода и ядовитости растения.

Черника: Листопадный низкорослый многолетний ягодный кустарничек высотой до 40 см из семейства вересковых черника в якутском языке представлен производным наименованием **харас** «черника обыкновенная (черничник, чернега, черница, чернижник) *Vaccinium myrtillus* L.» (ЛРЯ, 2016: 33), «черника обыкновенная» (ИЛРЯ, 2009: 167). Данная лексема образована от прилагательной основы **хара** 'черный' с присоединением аффикса об-

разования имени существительного '-с'. Из этого можно сделать вывод, что название черники в якутском языке было образовано по принципу обозначения цвета плода черники: ягода из-за воскового налета имеет синевато-черный цвет.

Черемуха: Значение листовенного быстрорастущего растения из семейства розовых с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, и черными ягодами черемухи обыкновенной в якутском языке заключено в фитониме **хаппырыас** «диал. черемуха *Prunus padus* L.» (БТСЯЯ, 2016: 318; ДДЬ, 2011: 71), «черемуха обыкновенная» (ИЛРЯ, 2009: 165) и его фонетических вариантах: **хаппырас** «черемуха» (Пек., Т. III: 3321); **хаппараас** «черемуха» (ДСЯЯ, 1976: 280). Не представляется возможным высказать однозначное утверждение о способе номинации основы **хаппырыас** и ее фонетических вариациях. По нашему предположению, в основе рассматриваемых лексем могут лежать два корня: **хап-хара** 'очень черный' + **ыас** 'смола'. Прилагательное **хара** представлено в названии с усилительной препозитивной частицей 'хап-', присоединяемой к основам, начинающимся на [ха]: *хап-хара* 'очень черный', *хап-халын* 'очень толстый'. Фонетическую структуру сложного слова **хаппырыас** и его вариантов можно объяснить следующим образом. Путем прогрессивной ассимиляции анлаутный консонантный звук [х] компонента **хара** в композите приобрел идентичную предшествующей фонеме вид [л]: **хаппырыас**, **хаппараас**, **хаппырас**. Вокальный [а] в инлаутной позиции основы **хара** сохраняется в названии **хаппараас**, в остальных случаях изменяется на узкий гласный [ы]: **хаппырыас**, **хаппырас**. В результате контракции наблюдается слияние ауслатного гласного звука [а] основы **хара** и анлаутного дифтонга [аа] основы **ыас**: а) в наименовании **хаппырыас** в дифтонг [ыа]; б) в наименовании **хаппырас** в широкий гласный [а]; в наименовании **хаппараас** в долгий широкий гласный [ā]. Семантический способ образования наименования черемухи в якутском языке можно объяснить по двум мотивировочным признакам, раскрывающим внешний вид и морфологическое строение растения: а) признак цвета — плод черемухи имеет черный цвет, который в наименовании передан компонентом **хап-хара** 'очень черный'; б) признак морфологического строения растения — в стволе и плодах черемухи присутствует смола, которую якуты называют **ыас**.

Шиповник: Для обозначения шиповника в якутском языке используются две лексемы: як. **дөлүһүөн** «шиповник *Rosa* sp.» (ТСЯЯ, 2006: 178; УСНА, 1988: 124), «шиповник иглистый» (ЛРО, 2003: 71), «шиповник иглистый» *Rosa acicularis* Lindl (ЛРЯ, 2016: 35); як. **дьөлүһүөн** «диал. Мирн. шиповник» (Инф. — ГВН). Мы предполагаем, что диалектная основа **дьөлүһүөн** является праформой литературной единицы **дөлүһүөн**. Подтверждением данного факта служит глагол **дьөл** 'продырявить', который может являться производящей основой фитонима. Как известно, шиповник — растение с игловидными шипами, которые могут что-либо продырявить. Исходя из этих соображений склоняемся к тому, что глагол действия **дьөл** может лежать в основе номинации. В таком случае морфемная структура слова будет выглядеть таким образом: **дьөл+ү(с)+үөн**, где **дьөл** выступает корнем, '-ү(с)' — аффикс совместно-взаимного залога, '-үөн' — непродуктивный аффикс образования имени существительного. Фонетическое изменение в диалектной форме можно объяснить так: при переходе в литературную норму произошла спирантизация аффриката [дь], находящегося в анлаутной позиции, во взрывной смычный согласный [д]. Таким образом, мотивировочным признаком образования якутских наименований **дьөлүһүөн**, **дөлүһүөн** стало морфологическое строение шиповника.

Боярышник: Боярышник в якутском языке именуется следующими лексическими единицами: як. **ньалыкта** «боярышник» (Пек., Т. II: 1709), «диал. боярышник даурский (разновидность боярышника, отличающаяся ярко-желтыми ягодами)» (БТСЯЯ, 2010: 86), «боярышник даурский *Crataegus dahurica* Koehne ex Schneid» (ЛРЯ, 2016: 16); як. **долохоно** «боярышник *Crataegus sanguinea* Pall.» (ТСЯЯ, 2006: 162; УСНА, 1988: 124), «боярышник даурский *Crataegus dahurica* Koehne ex Schneid» (ЛРЯ, 2016: 16), «боярышник *Crataegus* L.»

(ДРОЯ, 1990: 67); як. **оһохтуну кыһыл долохоно** «боярышник кроваво-красный *C. sanguinea* Pall» (ДРОЯ, 1990: 67); як. **майааһыннык** «боярышник даурский *Crataegus dahurica* Koehne ex Schneid» (ЛРЯ, 2016: 16), «боярышник даурский» (ИЛРЯ, 2009: 43). Фитоним **долохоно** является заимствованием из монгольского языка и имеет следующие рефлексy в монгольских языках: халх.-монг., бур. **долоогоно** «боярышник» (ЭСМЯ, 2015: 189), калм. **долан** «боярышник» (ЭСМЯ, 2015: 189). В трехсоставном фитониме **оһохтуну кыһыл долохоно** реализовано указание на присутствие оттенка ярко-красного цвета, характерного для плода боярышника: наблюдается метафоризация цвета с ярко-красным огнем в печи (*оһохтуну* ‘словно печка’ + *кыһыл* ‘красный’ + *долохоно*). Лексическая единица **ньалыкта** со значением ‘боярышник’ в якутском языке, по нашим наблюдениям, является эвенкийским заимствованием: эвенк. **ньалыкта** «багульник» (ССТМЯ, 1975: 630). С фоноструктурной стороны наблюдается соответствие эвенкийского переднего гласного [и] с гласным заднего ряда [ы] якутской основы в инлаутной позиции. С лексической — можно заметить семантический сдвиг значения внутри одного тематического поля «Растения». Мы предполагаем, что мотивировочным признаком образования наименования боярышника в вариации **ньалыкта** в якутском языке стал принцип внешней схожести части растения с другим растением, в данном случае с багульником. Действительно, белые цветки боярышника с пятью лепестками внешне напоминают обополюе белые цветки багульника, что и стало признаком номинации. Последнее название боярышника в якутском языке в виде **майааһыннык** является заимствованным из русского языка — трансформированной формой слова **боярышник**.

Малина: В якутском языке встречаются названия малины обыкновенной и малины сахалинской без разделения на виды: як. **өлдүүн** «малина» (СРЛЯНРЯ, 2002: 61), «малина сахалинская *Rubus matsumuranus* Levl. (*R. sachalinensis* Levl)» (ЛРЯ, 2016: 24), «малина отон» (Пек., Т. II: 1895); як. **ыт тыһыта** «малина» (Пек., Т. III: 2961); як. **биэ эмийэ** «малина обыкновенная, малина сахалинская *Rubus idaeus* L., *Rubus sachalinensis* H.L.v.» (ИЛРЯ, 2009: 104), «малина» (Пек., Т. II: 1895); як. **ынах эмийэ** «малина обыкновенная, малина сахалинская *Rubus saxatilis* L.» (ЛРО, 2003: 34; БТСЯЯ, 2017: 442); як. **сылгы эмийэ** «малина» (Пек., Т. II: 1895); як. **ыт атаба** «малина» (Пек., Т. II: 1895). В монгольском языке имеется слово **үл** «питательность» (БМРС, 1951: 504), а также в бурятском языке зафиксирована основа **үлжэргэнэ** «название лесных ягод» (БРС, 1973: 500). Исходя из этого предполагаем, что лексема **өлдүүн** в якутском языке была заимствована из монгольского языка и образована по функции ‘питаться’. Остальные пять наименований, обозначающие различные вариации наименований малины, являются по форме сложными и имеют в своем составе названия домашних животных: **ыт тыһыта** (*ыт* ‘собака’ + *тыһыта* ‘самка, особь женского пола’), **ыт атаба** (*ыт* ‘собака’ + *атах* ‘нога’), **биэ эмийэ** (*биэ* ‘кобыла’ + *эмийэ* ‘сосок, грудь’), **ынах эмийэ** (*ынах* ‘корова’ + *эмийэ* ‘сосок, вымя’), **сылгы эмийэ** (*сылгы* ‘лошадь, конь’ + *эмийэ* ‘вымя, сосок’). С синтаксической точки зрения, все пять наименований образованы способом подчинительного словосложения в притяжательной форме, в которых первые компоненты-зоонимы являются доминантными. В составе четырех последних фитонимов имеются названия частей тела: **атах** ‘нога’ и **эмийэ** ‘сосок’. Основа **эмийэ**, обозначающая в якутском языке ‘сосок’, присутствует в трех наименованиях и носит метафорический характер: волосистые костянки, сросшиеся на цветоложе в сложный розово-красный плод, ассоциируются с сосками животных. По принципу ассоциативной метафоризации также образован фитоним **ыт атаба**, где компонент **ыт** имеет значение ‘собака’, **атах** — ‘нога’. Предполагаем, что в данном случае под словом **атах** понимается не нога полностью, а дистальный отдел (лапка) собаки, который внешне схож с малиной. Таким образом, побудить носителей языка к сравнению растения с частями тела животных может также форма и цвет ягод. Якутское наименование **ыт тыһыта**, состоящее из зоонимов (*ыт* ‘собака’ + *тыһыта* ‘самка, особь женского пола’), по нашим предположениям, было образовано по признаку

плодовитости малины. А именно, компонент **тыһы** со значением ‘самка’ указывает на плодоносность полукустарникового растения из вида розовых малины.

Морошка: Для обозначения травянистого растения рода Рубус морошки в якутском языке используются десять названий: як. **һьяаһытык** «диал. морошка» (БТСЯЯ, 2010: 63; ДСЯЯ, 1976: 177); як. **һьяагытык** «диал. Абый. морошка приземистая» (ДСЯЯ, 1976: 177); як. **һьяанытык** «диал. Абый., Алл. морошка приземистая» (ДСЯЯ, 1976: 177); як. **һьянатык** «диал. Абый. морошка приземистая» (ДСЯЯ, 1976: 178); як. **көппөх отоно** «сред.колым. диал. морошка» (ДСЯЯ, 1976: 118); як. **бөлөхүнэ** «диал. морошка *Rubus chamaemorus* L.» (Инф. — ЧНК); як. **бөллөхүнэ** «морошка» (ИОЛРЯ, 2018: 439); як. **ыт тинилэбэ** «морошка *Rubus arcticus* L.» (Пек., Т. III: 2676); як. **саарба тыныраба** «морошка» (Пек., Т. III: 2954); як. **ыт тыныраба** «морошка» (Пек., Т. III: 2954). Фитоним **һьяаһытык** и его различные вариации, отличающиеся между собой фонетическими различиями в виде соответствий консонантных [б], [г], [н] в инлаутной позиции, по нашим предположениям, образованы от глагола **һьяаһыр** со значением ‘краснеть, гноиться (о глазах)’. В основе номинации лежит признак формы и цвета: янтарно-желтые ягоды морошки схожи с загноившимся оранжево-красноватым глазом. Вариации **һьяаһытык**, **һьяагытык**, **һьяанытык**, **һьянатык** являются диалектными единицами, употребляемыми в речи жителями Абыйского и Аллаиховского районов, расположенных в тундровой зоне Республики Саха (Якутия), где обильно произрастает данная ягода. Для обозначения морошки среднеколымские якуты используют характерную только для их языка диалектную единицу **көппөх отоно** (дословно ‘ягода мха’), где первый компонент **көппөх** имеет значение ‘мох’. Морошка часто встречается в моховых территориях и соседствует со сфагновым мхом, что повлияло на ее номинации по признаку места произрастания, привязанного к какому-либо растению. Наличие большого количества диалектизмов, обозначающих морошку и зафиксированных в арктических районах Республики Саха (Якутия), объясняется тем, что она очень популярна у северных якутов, которые ценят ее за целебные свойства, активно применяют в народной медицине для лечения сердечно-сосудистых и желудочно-кишечных заболеваний, ожогов и кожных болезней. Двухкомпонентное наименование **ыт тинилэбэ** (ыт ‘собака’ + тинилэх ‘лапка’) образовано посредством ассоциативной метафоризации: морошка, как и малина, похожа на собачью лапку. Фитонимы **ыт тыныраба** и **саарба тыныраба** образованы по способу обозначения колючести и наличия шипов в побегах морошки, что подтверждается присутствием в составе сложных наименований зависимого компонента **тынырах** ‘ногти, когти’. Лексема **бөлөхүнэ** с фонетическим вариантом **бөллөхүнэ** являются производными основами, образованными от лексем **бөлөх** ‘отдельными группами, разбившись на группы; группы’ и **үүн** ‘рост, расти, растет’. В фонетической вариации **бөллөхүнэ** наблюдается интервокальное удвоение консонантного [л]→[лл] в инлаутной позиции. Таким образом, мотивировочным признаком образования лексических единиц **бөлөхүнэ**, **бөллөхүнэ** в якутском языке стал принцип обозначения особенности произрастания плодов морошки, которые растут кучками.

Можжевельник: Представитель вечнозеленых хвойных кустарников и деревьев семейства кипарисовых можжевельник в якутском языке наименован как **кытыан** «можжевельник *Juniperus communis* L.» (Пек., Т. II: 1449; БТСЯЯ, 2008: 400), «можжевельник обыкновенный» (ЛРО, 2003: 36; ИЛРЯ, 2009: 107), «можжевельник сибирский (верес, арса) *Juniperus sibirica* Burgsd» (ЛРЯ, 2016: 24). Другое значение **кытыан** в якутском языке — ‘старший, старый, большой’. Согласно биологической характеристике растения, древовидный можжевельник считается одним из крупных деревьев, высота которой достигает до 10-15 метров, и долгоживущим растением (до 600 лет). Из этого следует, что в основу мотивировочного признака образования лексической единицы можно предположить обозначение морфологической особенности растения в части ее размера и продолжительности жизни.

Смородина: Смородина дикушки, представитель растений рода смородины семейства крыжовниковых, называется следующими наименованиями: як. **уохта** «смородина дикуша, охта, алданский виноград» (БТСЯЯ, 2015: 243); як. **бородьуна** «диал. Усть-Алд. разновидность черной смородины, алданский виноград» (инф. – СЛС); як. **бородьууна** «диал. Усть-Алд. разновидность черной смородины, алданский виноград» (инф. — САИ); як. **мородьуна** «диал. Усть-Алд. разновидность черной смородины, алданский виноград» (инф. — МЗВ). Первая лексема **уохта** является русским заимствованием и происходит от слова **охта**, обозначающего в русском языке смородину дикушки. В якутской форме наблюдается процесс закономерного фонетического изменения с соответствием анлаутного гласного элемента [o] в русском с дифтонгом [yo] в якутском языке. Диалектные варианты **бородьуна**, **бородьууна**, **мородьуна** функционируют в значении ‘смородина’ в Усть-Алданском районе Республики Саха (Якутия), также образованы путем заимствования из русского языка и восходят к словоформе **смородина**.

Красная смородина: Красная смородина в якутском языке представлена лексемой **хаптаѳас** «красная смородина, кислица» (Пек., Т. III: 3324), «кустарник со съедобными кисловато-сладкими ягодами, а также самые ягоды, красная смородина» (БТСЯЯ, 2016: 326), «смородина голенькая (красная, кислица) *Ribes glabellum (Trautv. et Meyer) Hedl*» (ЛРЯ, 2016: 27). Слово **хаптаѳас**, как архаизм, обозначает «женскую послеродовую кровь или кровь у мужчин, выходящую из носа или из заднего прохода» (Пек., Т. III: 3324). Предполагается, что наименование в виде фитонима образовано путем метафоризации и возникло в результате сравнения сока красной смородины с человеческой кровью.

Черная смородина: Наименований, обозначающих листопадный кустарник монотипного семейства крыжовниковых черную смородину, в якутском языке пять: як. **дьордьомо** «черная смородина» (БТСЯЯ, 2006: 410); як. **дьордьума** «диал. черная смородина» (ЛРО, 2003: 57); як. **дьордуома** «смородина» (Пек., Т. I: 844); як. **курун аһа** «смородина» (Пек., Т. I: 844); як. **моонньоѳон** «кустарник черной смородины; черная смородина *Ribes nigrum L.*» (БТСЯЯ, 2009: 290; УСНА, 1988: 124; ЛРО, 2003: 57; Пек. Т. II: 1587). Лексема **дьордьомо** и его различные вариации с фонетическими различиями **дьордьума**, **дьордуома**, согласно Г. В. Попову, являются заимствованными из монгольских языков (Попов, 2003: 174). Что касается следующего фитонима, то в наименовании **курун аһа** отражен принцип номинации по признаку места произрастания. Данное растение хорошо произрастает на территориях лесных массивов, охваченных пожаром, что нашло отражение в ее номинации: основной компонент **курун** обозначает «выжженный лес» (БТСЯЯ, 2007: 534). Вторая лексема **ас**, имеющая притяжательный аффикс ‘-а’, используется в значении ‘плод’, т. е. черная смородина у якутов воспринимается как кустарниковая ягода, активно растущая в оголенной после пожара территории. Общеупотребляемая лексема, обозначающая черную смородину в якутском языке, **моонньоѳон** имеет другое лексическое значение, которое для данной основы является первичным и означает наименование утки шилохвоста. Е. Ю. Моисеева, отмечает, что побудить носителей языка к сравнению растения с животными может также форма ягод (Моисеева, 2015: 65). В соответствии с этим утверждением, а также информацией, предоставленной старожилом И. И. Гороховым, уроженцем Верхоянского района РС (Я), напрашивается следующее предположение по способу образования данной лексической единицы: глаза шилохвоста у якутов сравниваются со спелыми ягодами смородины, которые, как и глаза, имеют черный цвет и круглую форму. Таким образом, наименование смородины в вариации **моонньоѳон** мотивировано формой и цветом ягоды, которые сопоставлены с глазом утки.

Голубика: Наименование многолетнего ягодного кустарничка голубики в якутском языке представлено двумя лексическими единицами: як. **сугун** «голубика, голубица, голубель *Vaccinium uliginosum L.*» (Пек., Т. II: 2319; УСНА, 1988: 124), «голубика *Vaccinium uliginosum L.*» (БТСЯЯ, 2012: 102; ЛРО, 2003: 19; ИЛРЯ, 2009: 58; ЛРЯ, 2016: 18); як. **субун**

«голубица *Vaccinium uliginosum* L.» (Пек., Т. II: 2316). Данные лексемы являются общетюркскими и имеют лексические рефлексии в некоторых тюркских языках: уз. **суйгун** ‘олень’, сюг. **сугун** ‘олень с крупными рогами’, др.тюрк. **сыгун** ‘олень’, тур. **сыгын** ‘олень’, турк. **сыгын** ‘олень’, кар.к. **сувун** ‘олень’ и др (ЭСТЯ, 2003: 354). Старейшее значение **су:гун** в значении ‘марал-самец’ отмечено в языке древнейгурского письменного памятника Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (ДТС, 1969: 503). Согласно утверждениям Ю. И. Моисеевой, номинация ягоды может быть мотивирована названием того животного, которое питается этой ягодой (Моисеева, 2015: 65). Из зоологических источников информации можно найти сведения о том, что северные олени охотно едят ягоды голубики. Итак, признаком номинации голубики в якутском языке является «название животного, у которого ягода выступает источником пищи».

Кизиль: Листопадный медленнорастущий кустарник семейства розовых кизильник в якутском языке имеет различные вариации в зависимости от ареала распространения: як. **чынкы** «кустарник кизиль» (Пек., Т. III: 3719; Попов, 1986: 135); як. **хара астаах чынкы** «кизильник черноплодный» (ИОЛРЯ, 2018: 419); як. **кыһырынньык** «кизильник черноплодный» (ИОЛРЯ, 2018: 419). Лексические единицы **чынкы** и **хара астаах чынкы**, по нашим предположениям, образованы от прилагательного **чынкыл** «крепкий (о дереве); сильный» (БТСЯЯ, 2017: 263). Ботаническое описание кустарника указывает на то, что кизиль является крепким кустарником с прочной корневой системой, твердо расположенными листьями и почками на стебле. Трехкомпонентный фитоним **хара астаах чынкы** образован посредством синтаксического способа по модели «*прилагательное + имя существительное + имя существительное*». В дословном переводе лексическая единица представляется как ‘кизильник с черными плодами’. Из этого следует, что номинационным признаком кизиля в якутском языке в вариации **чынкы** и **хара астаах чынкы** является «обозначение особенностей морфологического строения растения». Лексема **кыһырынньык** является заимствованной из русского языка и восходит к форме слова **кизильник**.

Водяника черная: Водяника черная имеет два названия: як. **харачаас** «водяника черная (шикша, вороника)» (ЛРО, 2003: 16); як. **киис отоно** «водяника черная (шикша, вороника)» (ЛРО, 2003: 16), «шикша черная» (ИЛРЯ, 2009: 176), «шикша черная (водяника, вороника, дорогая трава, сдыха) *Empetrum nigrum* L.» (ЛРЯ, 2016: 34). Согласно И. В. Бродскому, носителем признака цвета в фитонимах являются соответствующие качественные прилагательные (Бродский, 2007: 48). Так, основой-носителем номинационного признака лексемы **харачаас** (*хара* (имя прилагательное) + *чаас* (именной аффикс)) является цветообозначающее прилагательное **хара** со значением ‘черный’. Двухкомпонентный фитоним **киис отоно** имеет изафетную конструкцию, характерную для тюркских языков. Компонентом, указывающим на растительность, выступает вторая основа **отон** ‘ягода’, имеющая в словосочетании аффикс притяжения ‘-о’. Доминирующей основой является зооним **киис** ‘соболь’, который в рамках словосочетания обладает ягодой: дословно будет как ‘ягода соболя’. Как отмечает М. Ю. Чепрасов, в летний рацион питания соболей, помимо голубики и брусники, также входят ягоды шикши (Чепрасов, 2011: 38). Таким образом, фитоним **киис отоно** образован путем номинации по признаку «название животного, у которого ягода выступает источником пищи».

Костяника: Костяника в якутском языке именуется как **ынах эмийэ** «костяника обыкновенная *R.saxatilis* L.» (ДРОЯ, 1990: 68). Фитоним по форме является сложным, состоящим из зоонима (*ынах* ‘корова’) и соматизма (*эмийэ* ‘грудь, сосок, вымя’). С синтаксической точки зрения, словосочетание образовано путем подчинительного словосложения в притяжательной форме, где первый компонент-соматизм является зависимым словом. Основа **эмийэ**, являясь в словосочетании выменем коровы, придает метафорическое значение, основанное на ассоциации: плод костяники, состоящий из одного до пяти плодников, сравнивается с сосками коровы.

Брусника: Для обозначения брусники в якутском языке используются три лексические единицы: як. **уулаах отон** «брусника *Vaccinium vitis-idaea* L.» (УСНА, 1988: 124; ИЛРЯ, 2009: 45; ЛРЯ, 2016: 17); як. **түбэ отоно** «сакк. диал. брусника» (ДСЯЯ, 1976: 251); як. **таас отон** «абый. диал. брусника» (ДСЯЯ, 1976: 232). Во всех трех наименованиях вторым компонентом выступает слово **отон**, которое означает ягоду и содержит в себе основное смысловое значение ягодного растения. С ботанической точки зрения красные многосемянные плоды брусники являются сочными и с водянистым сладковатым соком, что нашло отражение в первом наименовании с компонентом **уулаах** ‘водянистый’: **уулаах отон** (*уулаах* ‘водянистый’ + *отон* ‘ягода’). В диалектной единице **түбэ отоно**, зафиксированной в Анабарском районе Республики Саха (Якутия), первый компонент **түбэ** имеет значение «лесной массив между изгибами, извилинами рек» (БТСЯЯ, 2014: 234), что указывает на место произрастания данной ягоды. Местом обитания брусники является также горная тундра, название которой нашло отражение в третьем наименовании **таас отон**, где первый компонент **таас** имеет значение ‘возвышенное горное место’. Интерес вызывает ареальное распространение данной диалектной единицы — Абыйский район Республики (Саха) Якутия. Важно отметить, что на территории Абыйского района расположен горно-тундровый пояс.

Заключение

Итак, в данной статье рассмотрены способы образования 53 наименований ягодных растений в якутском языке, позволившие выявить 11 мотивировочных признаков, которые побудили носителей языка к созданию фитонимов. Следует подчеркнуть, что система фитонимов якутского языка отличается разнообразием способов номинации, в основе которых лежат следующие ассоциативные признаки, представленные в порядке убывания по критерию продуктивности мотивемы: по цвету — 8 единиц (15,1 %); 2) по особенности морфологического строения растения — 7 единиц (13,2 %); 3) по признаку внешней схожести с частью тела какого-либо животного — 7 единиц (13,2 %); 4) по месту произрастания — 6 единиц (11,3 %); 5) по двум или нескольким признакам — 5 единиц (9,4 %); 6) по названию животного, у которого ягода выступает источником питания — 3 единицы (5,7 %); 7) по особенности произрастания растения — 2 единицы (3,8 %); 8) по признаку несъедобности человеком — 1 единица (1,9 %); 9) по признаку внешней схожести всего растения или его части с другим растением — 1 единица (1,9 %); 10) по признаку плодovitости растения — 1 единица (1,9 %); 11) по способности выделять сок — 1 единица (1,9 %). Проведенный анализ выявил, что для номинации ягодных растений выбираются индивидуальные признаки в самом объекте, по которому можно определить их.

Из проанализированных лексических единиц 20,7 % (11 лексем) являются непроизводными основами, заимствованными из русского и монгольских языков. Остальные 79,3 % наименований ягодных растений образованы семантическим способом. Данный принцип основывается на ассоциативной метафоризации, которая раскрывает богатство выразительных средств обозначения окружающей действительности, отношение якутов к живой природе и отражает особенность мировоззрения народа саха.

Таким образом, основным способом номинации фитонимов, обозначающих наименования ягодных растений в якутском языке, является номинация по признаку, в основе которой лежат ряд мотивационных характеристик. Кроме того, присутствуют заимствования из русского языка, которые объясняются общей территорией проживания якутов и русских. Некоторые фитонимы восходят к монгольским и тунгусо-маньчжурским формам, что свидетельствует о тесных языковых контактах якутов с монгольскими племенами и тунгусо-маньчжурскими народами.

Информанты: 1) Инф. — ГВН — Григорьева Валентина Николаевна, 1933 г. р., Садынский наслег, Мирнинский район Республики Саха (Якутия); 2) Инф. — МЗВ — Местникова Зинаида Васильевна, 1934 г. р., Курбусахский наслег, Усть-Алданский район Республики Саха (Якутия); 3) Инф. — САИ — Семенова Анна Ильинична, 1948 г. р., Тюляхский наслег, Усть-Алданский район Республики Саха (Якутия); 4) Инф. — СЛС — Сивцева Лариса Семеновна, 1959 г. р., Ольтехский наслег, Усть-Алданский район Республики Саха (Якутия); 5) Инф. — ЧНК — Чирикова Надежда Константиновна, 1981 г. р., Бетюнский наслег, Амгинский район Республики Саха (Якутия).

Список литературы:

- Большой толковый словарь якутского языка: в XV т. — Новосибирск: Наука, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017.
- Бродский И. В.** Названия растений в финно-угорских языках. — СПб: Наука, 2007. — 210 с.
- Бурят-монгольско-русский словарь. — М.: Гос. изд-во. иностр. и нац. языков, 1951. — 852 с.
- Бурятско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — 804 с.
- Васильев И. Ю.** Семантическая характеристика фитонимов в якутско-турецких лексических параллелях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 98–100.
- Васильев И. Ю.** Фоноструктурные и фонетические соответствия якутско-турецких параллелей (небесные тела, время, ландшафт и растительный мир) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11. С. 391–396.
- Диалектологический словарь якутского языка. — М.: Наука, 1976. — 392 с.
- Древнетюркский словарь. — Ленинград: Наука, 1969. — 677 с.
- Егорова К. Г., Нестерович А. С.** Семантическая характеристика фитонимов дикорастущих трав (на примере якутских и корейских лекарственных растений) // Социосфера. 2017. № 4. С. 75–77.
- Иванов Б. И., Иванова А. Д.** Использование лекарственных растений Якутии. — Новосибирск: Наука, 2009. — 189 с.
- Иванова В. И.** Двудольные растения окрестностей г. Якутска. — Якутск, 1990.
- Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии. — Тверь: ИПК Парето-Принт, 2018. — 640 с.
- Кожевников Ю. П.** Семейство вересковые (Ericaceae) // Жизнь растений. В 6 т. — М.: Просвещение, 1981. — Т. 5. Ч. 2. Цветковые растения. — С. 88–95.
- Кузьмина А. А.** Названия деревьев и кустарников в якутском языке (сравнительный аспект) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 99–106.
- Лекарственные растения Якутии. — Якутск: Бичик, 2016. — 96 с.
- Мальшева Н. В., Захаров Х. А.** Якутская лексика лекарственных растений с компонентом «от»: структурно-семантическая особенность // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 6 (74). С. 123–135.
- Мальшева Н. В., Чирикова Н. К.** Якутские наименования лекарственных растений, используемых при заболеваниях мочеполовой системы: способы образования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 4 (104). С. 81–86.
- Мальшева Н. В., Чирикова Н. К., Захаров Х. А.** Некоторые способы образования двухэлементных наименований лекарственных растений в якутском языке (на примере тысячелистника и полыни) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 3. С. 80–86.
- Моисеева Е. Ю.** Отражение народных представлений о животном мире в наименованиях ягод (на материале русского и немецкого языков) // Вестник ТГПУ. 2015. 10(163). — С. 62–68.
- Нестерович А. С., Егорова К. Г.** Семантическая характеристика фитонимов (на примере якутских и корейских лекарственных растений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77). С. 143–145.
- Неустроев И. И.** Доруобуйа — дьол. — Дьокуускай: Бичик, 2011. — 160 с.
- Новгородов Е. П.** Лекарственные растения Оймяконья. — Якутск: Бичик, 2003. — 80 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка. — Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — Т. I. — 1200 стб.; Т. II. — 2010 стб.; Т. III. — 3858 стб.
- Петров А. М.** Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии. — Якутск: Издательство СО РАН, 2002. — 125 с.

Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. — Якутск: Якутское книжное изд-во, 1986. — 145 с.

Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. — Новосибирск: Наука, 2003. — 180 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю, Т. I. — Л.: Наука, 1975. — 470 с.

Чепрасов М. Ю., Мордосов И. И. Материалы по питанию соболя в бассейне среднего течения Р. Колыма // Вестник СВФУ. 2011. № 2. — С. 36-41.

Этимологический словарь монгольских языков: Том I. — М.: ИВ РАН, 2015. — 224 с.

Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Восточная литература РАН, 2003. — 446 с.

Малышева Нинель Васильевна, кандидат филологических наук, доцент.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, д. 42, г. Якутск, республика Саха (Якутия), 677013.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Данилов Игорь Альбертович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, д. 42, г. Якутск, республика Саха (Якутия), 677013.

E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2020 г.

N. V. Malysheva, I. A. Danilov

METHODS OF BERRY PLANT NOMINATIONS FORMATION IN YAKUT LANGUAGE

In this article, an ethnolinguistic analysis of 53 names of berry plants in the Yakut language was carried out to determine their methods of formation. Language material was taken by their various lexicographic sources, including botanical dictionaries. The empirical basis of the study was also field and expeditionary observations, dialect records and materials collected by the authors since 2017 in various regions of the Republic of Sakha (Yakutia). To determine the lexical value of the roots of the analyzed names, semantic descriptions of lexemes are given from the «Great Thick Dictionary of the Yakut Language» and the «Dictionary of the Yakut Language» by E. K. Pekarskiy.

Methods of word-formation analysis are used to identify methods of phytonym formation: search of producing base, extraction of word-formation formant, the establishment of word formation principles. Elements of semantic and morphological analysis of nominations are also used, syntax constructions of complex words (phrases) are considered. Non-derivative lexical units are given etymological characteristics, in some cases, parallels from other languages are given. Borrowed names of berry plants are analyzed in terms of phonetic changes, the same principle of analysis is used relative to dialect units that have converted to the literary norm. Besides, some Yakut bases and reflexes in other related languages are compared in the phonostructural aspect. Biological characteristics of plants are given through descriptive method, as well as explanations of geographical peculiarities of places of growth of studied berry plants are given.

It has been established that the main method of nomination of phytonyms, which denote names of berry plants in the Yakut language, his nomination based on several motivational characteristics. It was possible to find out that this principle is based on associative metaphorization, which reveals the attitude of Yakuts to wildlife and reflects the characteristics of the world view of the Sakha people. The availability of borrowing from the Russian language is explained by the general territory of residence of Yakuts and Russians. Phytonyms of Mongolian and Tunguso-Manchurian origins indicate close linguistic contacts of Yakuts with Mongolian tribes and Tunguso-Manchurian peoples, particularly Evens.

Keywords: *phytonyms, names of berry plants, berries, methods of formation, motivational signs of nomination, Yakut language.*

References:

- Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka: v XV t [The Great Dictionary of the Yakut Language: in XV t.]. — Novosibirsk: Nauka, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017. (in Russian)
- Brodskij I. V.** Nazvaniya rastenij v finno-ugorskih yazykah [Names of plants in Finno-Ugric languages]. — SPb: Nauka, 2007. — 210 p. (in Russian)
- Buryat-mongol'sko-russkij slovar' [Buryat-Mongolian — Russian Dictionary]. — M.: Gos. izd-vo. inostr. i nac. yazykov, 1951. — 852 p. (in Russian)
- Buryatsko-russkij slovar' [Buryatsky-Russian Dictionary]. — M.: Sovetskaya enciklopediya, 1973. — 804 p. (in Russian)
- Cheprasov M. Y., Mordosov I. I.** Materialy po pitaniyu sobolya v bassejne srednego techeniya R. Kolyma [Sable nutrition materials in the middle-current pool R. Kolyma] // Vestnik SVFU. 2011. №2. — P. 36–41. (in Russian)
- Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]. — M.: Nauka, 1976. — 392 p. (in Russian)
- Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic dictionary]. — Leningrad: Nauka, 1969. — 677 p. (in Russian)
- Egorova K. G., Nesterovich A. S.** Semanticheskaya karakteristika fitonimov dikorastushchih trav (na primere yakutskih i korejskih lekarstvennyh rastenij) [Semantic characteristic of the phytonyms of wild herbs (on the example of Yakut and Korean medicinal plants)] // Sociosfera. 2017. № 4. P. 75–77. (in Russian)
- Etimologicheskij slovar' mongol'skih yazykov: Tom I [Mongolian Etymological Dictionary: Vol. I]. — M.: IV RAN, 2015. — 224 p. (in Russian)
- Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. — M.: Vostochnaya literatura RAN, 2003. — 446 p. (in Russian)
- Illyustrirovannyj opredelitel' lekarstvennyh rastenij YAKutii [Illustrated determinator of Yakutia's medicinal plants]. — Tver': IPK Pareto-Print, 2018. — 640 p. (in Russian)
- Ivanov B. I., Ivanova A. D.** Ispol'zovanie lekarstvennyh rastenij Yakutii [The use of medicinal plants of Yakutia]. — Novosibirsk: Nauka, 2009. — 189 p. (in Russian)
- Ivanova V. I.** Dvudol'nye rasteniya okrestnostej g.Yakutsk [Two-dole plants in the vicinity of Yakutsk]. — Yakutsk, 1990. (in Russian)
- Kozhevnikov Y. P.** Semejstvo vereskove (Ericaceae) [Heather family (Ericaceae)] // Zhizn' rastenij. V 6-ti t. — M.: Prosveshchenie, 1981. — T. 5. CH. 2. Cvetkovye rasteniya. — P. 88–95. (in Russian)
- Kuz'mina A. A.** Nazvaniya derev'ev i kustarnikov v yakutskom yazyke (sravnitel'nyj aspekt) [Names of trees and shrubs in the Yakut language (comparative aspect)] // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2016. № 4 (17). P. 99–106. (in Russian)
- Lekarstvennye rasteniya YAKutii [Medicinal plants of Yakutia]. — Yakutsk: Bichik, 2016. — 96 p. (in Russian)
- Malysheva N. V., Chirikova N. K.** YAKutskie naimenovaniya lekarstvennyh rastenij, ispol'zuemyh pri zabolevaniyah mochepolovoj sistemy: sposoby obrazovaniya [Yakut names of medicinal plants used in diseases of the genitourinary system: ways of education] // Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. YA. YAKovleva. 2019. № 4 (104). P. 81–86. (in Russian)
- Malysheva N. V., Chirikova N. K., Zaharov H. A.** Nekotorye sposoby obrazovaniya dvuhelementnyh naimenovanij lekarstvennyh rastenij v yakutskom yazyke (na primere tysyachelistnika i polyni) [Some ways of forming two-cell names of medicinal plants in the Yakut language (on the example of millenniums and wormwood)] // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: CHelovek v sovremennom mire. 2019. № 3. P. 80–86. (in Russian)
- Malysheva N. V., Zaharov H. A.** YAKutskaya leksika lekarstvennyh rastenij s komponentom «ot»: strukturo-semanticheskaya osobennost' [Yakut vocabulary of medicinal plants with a component «from»: structural-semantic feature] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. 2019. № 6 (74). P. 123–135. (in Russian)
- Moiseeva E. Y.** Otrazhenie narodnyh predstavlenij o zhivotnom mire v naimenovaniyah yagod (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov) [Reflection of folk ideas about the animal world in the names of berries (on the material of Russian and German)] // Vestnik TGPU. 2015. 10(163). — P. 62–68. (in Russian)
- Nesterovich A. S., Egorova K. G.** Semanticheskaya karakteristika fitonimov (na primere yakutskih i korejskih lekarstvennyh rastenij) [Semantic characteristic of phytonyms (on the example of Yakut and Korean medicinal plants)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11-3 (77). P. 143–145. (in Russian)
- Neustroev I. I.** Doruobuja — d'ol [Doruobyia — Diol]. — D'okuuskaj: Bichik, 2011. — 160 p. (in Yakut)

- Novgorodov E. P.** Lekarstvennye rasteniya Ojmyakon'ya [Medicinal plants Oymyakonya]. — YAkutsk: Bichik, 2003. — 80 p. (in Russian)
- Pekarskij E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut Language]. — L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. — T. I. — 1200 stb.; T. II. — 2010 stb.; T. III. — 3858 stb. (in Russian)
- Petrov A. M.** Slovar' rusko-latinsko-yakutskih nazvanij rastenij YAkutii [Dictionary of Russian-Latin-Yakut plant names of Yakutia]. — YAkutsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2002. — 125 p. (in Russian)
- Popov G. V.** Etimologicheskij slovar' yakutskogo yazyka [Etymological dictionary of the Yakut language]. — Novosibirsk: Nauka, 2003. — 180 p. (in Russian)
- Popov G. V.** Slova «neizvestnogo proiskhozhdeniya» yakutskogo yazyka [The words of the «unknown origin» of the Yakut language]. — YAkutsk: YAkutskoe knizhnoe izd-vo, 1986. — 145 p. (in Russian)
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovarju, T. I [Comparative dictionary of Tunguso-Manchurian languages: materials to the etymological dictionary, Vol. I]. — L.: Nauka, 1975. — 470 p. (in Russian)
- Vasil'ev I. Y.** Fonostrukturnye i foneticheskie sootvetstviya yakutsko-tureckih parallelej (nebesnye tela, vremya, landshaft i rastitel'nyj mir) [Phono structural and phonetic correspondence of Yakut-Turkish parallels (heavenly bodies, time, landscape and plant world)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 11. P. 391–396. (in Russian)
- Vasil'ev I. Y.** Semanticheskaya harakteristika fitonimov v yakutsko-tureckih leksicheskikh parallelyah [Semantic characteristic of phytonyms in Yakut-Turkish lexical parallels] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 12-3 (78). P. 98–100. (in Russian)

Malysheva Ninel Vasilievna, candidate of philology, associate professor.

North-Eastern Federal University.

42 Kulakovskiy st., Yakutsk, Russia, 677013.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Danilov Igor Albertovich, student.

North-Eastern Federal University.

42 Kulakovskiy st., Yakutsk, Russia, 677013.

E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru